

СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НА РУСИ

А. А. Зимин

Возникновение поместной системы на Руси — одна из центральных проблем истории русского феодализма. Она уже издавна привлекала к себе внимание историков. В дворянско-буржуазной литературе наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой поместное землевладение сложилось при Иване III, наделившем своих служилых людей в условное владение землей, конфискованной им у новгородских бояр¹. Эта реформа была проведена, как считали К. А. Неволин и другие буржуазные ученые, под влиянием традиций византийского права². А. Д. Градовский возникновение поместного владения связывал с «развитием идеи о верховном собственнике и его неотчуждаемой собственности», которая, по его мнению, первоначально зародилась в церковном землевладении³. Несмотря на различия во взглядах К. А. Неволлина и А. Д. Градовского, оба историка непомерно преувеличивали роль государства и видели в нем создателя поместного землевладения. Это представление, связанное с неверным мнением о государстве как творце исторического процесса, было одной из характерных черт буржуазной так называемой историко-юридической школы. Уже В. О. Ключевский, пытавшийся с позиций буржуазного экономизма внести коррективы в концепцию Неволлина — Градовского, писал, что оба эти исследователя «говорят, собственно, о происхождении поместного права, идеи поместного, условного владения землей», а не о системе общественных отношений. В. О. Ключевский считал, что поместье сложилось на основе землевладения дворцовых слуг, однако и он полностью не преодолел традиционного формально-юридического подхода к решению данной проблемы, утверждая, в частности, что служебные отношения военных слуг («вольных») «были совершенно обособлены от отношений поземельных»⁴. Попытка В. О. Ключевского сочетать экономический и формально-юридический факторы при объяснении складывания поместной системы оказалась неудачной. Н. П. Павлов-Сильванский механически сопоставлял русское поместье XVI—XVII вв. с западноевропейским бенефицием эпохи Карла Великого⁵.

С позиций буржуазно-юридической школы рассматривал вопрос о возникновении поместной системы С. Б. Веселовский. Основной его вывод сводился к тому, что «поместье, как способ обеспечения больших масс служилых людей, появилось только после объединения Руси под власть московского великого князя». При Иване III в руках московского князя

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Кн. II, т. VI. СПб. 1842, стр. 213, ср. примечание № 508.

² К. А. Неволин. История российских гражданских законов. Т. II. СПб. 1831, стр. 195; М. И. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов. СПб. 1871, стр. 247; ту же мысль повторил Виппер (Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. Ташкент. 1942, стр. 32).

³ А. Д. Градовский. Собрание сочинений. Т. II. СПб. 1899, стр. 153.

⁴ В. О. Ключевский. Сочинения. Т. II. М. 1957, стр. 217—220. Ср. С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб. 1897, стр. 1.

⁵ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. СПб. 1907, стр. 109; его же. Феодализм в удельной Руси. СПб. 1910, стр. 382.

«оказалось большое количество населенных земель, далеко превосходящее потребности великокняжеского дворцового хозяйства». Образовавшийся таким образом земельный фонд был использован для массовой раздачи служилому люду в условное держание. «Поместная политика Ивана III в Новгороде... была грандиозной, по тогдашним масштабам, и смелой реформой». «Таким образом,— заключает С. Б. Веселовский,— в короткий сравнительно срок было положено широкое основание той новой формации рядовых служилых людей, зависевших непосредственно от великого князя,— формации, вышедшей на историческую сцену, на смену феодалов-дружинников, княжат и крупных бояр»⁶. С. Б. Веселовский решительно выступает против попыток ряда исследователей вскрыть исторические корни этой системы в различных формах служилого землевладения XIV—XV веков⁷. Отвергнув связь поместья с институтом условного держания земель в XIV—XV вв., он, по существу, приписал Ивану III «создание» поместной системы, тогда как в действительности она была теснейшим образом связана с социально-экономическими явлениями русского феодализма XIV—XV столетий.

В зарубежной буржуазной литературе до сих пор повторяются давно устаревшие утверждения дореволюционных историков. Так, автор специального труда по истории права поземельной собственности в России В. Б. Ельшевич присоединяется к точке зрения К. А. Неволлина, считая, что поместье зародилось в церковной среде и являлось сколком с византийских порядков⁸. Иван III выступает в работе Ельшевича как исторический деятель, который задумал и осуществил «небывалое» по тогдашним временам перемещение населения. При этом Иван III, по словам автора, имел в виду «юридическую форму, которая в ту эпоху уже окончательно укрепилась в практике церковных земель»⁹. Для доказательства своего тезиса Ельшевич ссылается на грамоту XV в. (в списке XVII в.), в которой говорится, что княгиня Мария Ярославна дала Троицкому монастырю «селцо Егорей в поместье»¹⁰. Однако если бы он внимательнее изучил сохранившиеся документы, то мог бы убедиться, что в данном случае мы имеем дело с опиской копииста XVII века. В грамоте речь шла о «Поемесье» или «Поемечье» — территории по реке Емсне, Нерехотской волости, Костромского уезда¹¹.

Таким образом, вывод Ельшевича о существовании поместий у монастырей основан на недоразумении, а весь его подход к проблеме становления поместной системы на Руси представляет собой не что иное, как возврат к формально-юридической концепции середины прошлого века.

В советской исторической литературе вопрос о возникновении поместной системы снова стал в последние годы предметом специального изучения. Уже К. В. Базилиевич показал значение мероприятий Ивана III по испомещению в новгородских землях послужильцев из распущенных боярских дворов (главным образом холопов-слуг)¹². Большое принципиальное значение имеет также наблюдение акад. М. Н. Тихомирова, что предшественниками дворян XV—XVI вв. были так называемые милостики XII в., один из разрядов княжеских слуг. «Историю поместной системы и служилого землевладения,— указывает М. Н. Тихомиров,— надо

⁶ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.-Л. 1947, стр. 282.

⁷ Там же, стр. 283.

⁸ В. Б. Ельшевич. История права поземельной собственности в России. Т. I. Юридический строй поземельных отношений в XIII—XVI вв. Париж. 1948, стр. 369.

⁹ Там же, стр. 372, 374.

¹⁰ Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. I. СПб. 1836, № 84.

¹¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ). Т. I. М. 1952, №№ 369, 374, 540.

¹² К. В. Базилиевич. Внешняя политика русского централизованного государства. М. 1952, стр. 338—347, ср. его же. Новгородские помещики из послужильцев. «Исторические записки». Кн. 14, стр. 62—80.

начинать искать гораздо раньше, чем в XIV—XV веках. Она начала складываться на Руси уже в XII—XIII вв.»¹³. Социально-экономические предпосылки и сущность поместного землевладения детально рассмотрел Л. В. Черепнин. Поместное землевладение, пишет он, «выросло из условного землевладения, которое было распространено в более раннее время и преследовало как хозяйственные цели (освоение земли, особенно пустышей, ее заселение крестьянами, распространение вширь и вглубь крепостнических отношений), так и задачи материального обеспечения боярских и монастырских слуг (дворцовых и военных)»¹⁴.

Если социально-экономическая структура поместья конца XV—XVI в. (в первую очередь новгородского) сейчас более или менее изучена¹⁵, то конкретно-исторические пути складывания поместного землевладения выяснены еще недостаточно. Задача настоящей статьи сводится к тому, чтобы вскрыть те формы условного феодального владения, которые к концу XV в. сложились в поместную систему.

Одним из основных источников поместного землевладения, на наш взгляд, было землевладение боярское. Однако в литературе вотчина обычно резко противопоставляется поместью. При этом указывается, что вотчины (в отличие от поместий) считались неотчуждаемыми наследственными владениями и не были обусловлены обязательным несением военной службы¹⁶.

Земельная собственность в эпоху феодализма носила расчлененный характер. «Иерархическая структура землевладения и... система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными»¹⁷. Ярким проявлением такой структуры земельной собственности на Руси было так называемое «боярское землевладение» XIV—XV веков. Вотчинное землевладение детей боярских и других небогатых феодалов в то время не было таким полным и безусловным, как это представлялось буржуазным историкам. Князья-сюзерены могли отписывать владения своих вассалов на себя. Князь Борис Васильевич Волоцкий, например, в своем завещании писал, что он «поотнимал по своей вине» села у Федора Полева и других вотчинников Волоцкого уезда¹⁸. Вотчинники-вассалы часто не имели права по своему усмотрению распоряжаться принадлежавшими им землями. Так, около 1475—1485 гг. Кириллов монастырь купил у Федора Ивановича Судакова ряд «пожень»¹⁹ в Кабачине наволоке. Однако белозерский князь Михаил Андреевич отобрал эти пожни у монастыря и вернул их Судакову. Лишь позднее кабачинские пожни князь передал Кириллову монастырю, обещав пожаловать Судакова такими же угодьями в другом месте²⁰. В споре о селище Куземкине, имевшем место около 1463 г., келарь Симонова монастыря Никита и посельский Мисаил сооб-

¹³ М. Н. Тихомиров. Условное феодальное держание на Руси XII в. Сборник статей «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М. 1952, стр. 104.

¹⁴ Памятники русского права (ПРП). Вып. III. М. 1955, стр. 14; вып. IV. М. 1956, стр. 8—10; ср. Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории». 1953, № 4, стр. 56—58.

¹⁵ См. Р. Г. Скрынников. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV—XVI в. Л. 1958 (автореферат кандидатской диссертации).

¹⁶ В учебнике по истории СССР для высших учебных заведений говорится: «Феодальная вотчина фактически находилась в полном распоряжении владельца, который по своему усмотрению мог передавать ее по наследству, продавать» и т. д. («История СССР». Т. I. М. 1956, стр. 150).

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 23.

¹⁸ Собрание государственных грамот и договоров (СГГД), Ч. 1. М. 1813, № 105; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (ДДГ). М.-Л. 1950, № 71.

¹⁹ АСЭИ. Т. II. М. 1958, № 231.

²⁰ Там же, № 244.

щали, что 30 лет назад, то есть примерно в 1433—1434 г., оно было отдано в монастырь Тимофеем Дыбиным²¹. Земли этого селища считались боярскими²². Но, как это ни странно на первый взгляд, владелец этой земли Тимофей Дыбин был лишен полного права распорядиться ею. Потребовалась специальная грамота великой княгини Софьи Витовтовны, чтобы он мог отдать эту землю монастырю. В грамоте, между прочим, было сказано: «Се аз, великая княгиня Софья, пожаловала есмь Тимофея Дыбина, ослободила есмь ему пустоши Дыбинские дати в дом пречистой на Симоново»²³. Это вовсе не единственный случай, когда вотчинникам выдавались специальные разрешения на продажу их земель монастырям. В жалованной данной грамоте Ивана III около 1480—1484 г. оговаривалось, что А. А. Рудный волен пожалованные ему земли «продати и променити и по душе дати»²⁴. Из этой грамоты также ясно, что светские землевладельцы не всегда могли продавать или менять свои земли, не получив на это специальное разрешение верховной власти. Около 1448—1470 г. белозерский князь Михаил Андреевич особой грамотой «ослободил» (разрешил), например, игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну купить половину деревни, принадлежавшей Есипу Пикину²⁵.

Бывали случаи, когда князья отбирали вотчины того вассала, который давал их монастырям, очевидно, без предварительной санкции своего сюзерена. Так, около 1471—1475 г. Иван Александров сын Давыдович Кнут дал в Кирилло-Белозерский монастырь деревню Ильинскую, «свою вотчину» на р. Шексне. Князь Михаил Андреевич *post factum* признал этот вклад и выдал кирилловским старцам соответствующую жалованную грамоту²⁶. Но вскоре князь отобрал у монастыря эту деревню. В грамоте от 17 августа 1475 г. он указал: «Яз был у них ту деревню взял Ильинскую». И только после челобитья келаря Кириллова монастыря «тое деревни Ильинской отступился... до толе, доколе яз сам посмотрю тое деревни, или кому велю посмотрити. И будет ми та деревня надобе, и яз у них ту деревню вымену или на ней денги дам»²⁷. О конфискации земель вассалов писал в духовной грамоте великий князь Василий Васильевич (около 1462 г.): «А кому буду давал своим князем и бояром и детем боярским свои села в жалованье или хотя и в куплю кому дал,— ино те мои села моим детем, во чьем уделе будет, ино тому то и есть»²⁸.

В. И. Сергеевич считал, что в данном случае села отдаются детям великого князя в государственном, а не в частногражданском порядке²⁹. Однако это объяснение основано на произвольном толковании текста. Великий князь в указанной грамоте, по нашему мнению, подчеркивает, что села, данные им или пожалованные «в куплю» ряду вассалов (то есть купленные ими с санкции великого князя), в действительности являются собственностью московского государя и его детей. В другом его же завещании также говорилось: «А которые дети боярские служат моей княгине... и кому буду яз, князь велики, тем давал свои села, или моя княгини им

²¹ Там же, № 375.

²² «А то, господине, земля одна Дыбинская, боярская, где стоим, из старины» (там же).

²³ Там же, № 341. Сходные ограничения имели место в других случаях. Так, рязанский вотчинник Василий Афонасьев в 1467—1474 г. продал принадлежавшую ему землю игумену Троицкого монастыря. Его племянники добились у Ивана III специального разрешения о выкупе своей «отчины». Однако великий князь установил при этом известные ограничения в праве распоряжения землей: «А будет вам (Афонасьевым.— А. З.) не до земли, и вам тое земли Офонасьевские мимо монастыря не продати, ни менити, ни в закуп не дати, ни в холопи ся вам с того землею не дати». Там же. Т. I, № 423.

²⁴ Там же, т. II, № 393.

²⁵ Там же, № 142.

²⁶ Там же, №№ 212, 214.

²⁷ Там же, № 228.

²⁸ ДДГ, № 61.

²⁹ В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Т. I. СПб. 1890, стр. 349.

давала свои села, или за кем будет их отчина или купля, и в тех своих людех во всих волна моя княгини и в тех селех»³⁰. Прекрасной иллюстрацией этого общего, по-видимому, правила может служить замечание великого князя Василия Темного о землях, пожалованных Софьей Витовтовной Федору Басенку, которые московский государь завещал «опосле Басенкова живота»³¹.

Известную гарантию от конфискации земель, полученных от великого или удельных князей, имели лишь те вотчинники, которым были выданы особые жалованные грамоты. В своем завещании Иван III прямо указывал: «А что есми давал свои села бояром своим и князем и детем боярским и грамоты есми им свои жаловальные подавал на те села прочно им и их детем, или кому буду в куплю дал свои грамоты, и в те села сын мой Василей и мои дети у них не вступаются»³². Позднее, после того как сложилась поместная система, в жалованных грамотах на вотчинные земли уже встречаются оговорки о полном праве феодала на распоряжение данной ему землей («Волен Дмитрией и его дети то село и деревни кому дати и продати и променити и в закуп дати и по душе дати»³³), специально фиксируется также право феодала передавать свои земли по наследству. Приговор 1572 г. предусматривал конфискацию земель после смерти землевладельца, если при пожаловании этих земельных угодий в грамоте не оговаривалось право передачи их по наследству («А у которого в грамоте будет ему одному написано,— и после его та вотчина на государя»³⁴).

Итак, имеется ряд свидетельств об ограничении некоторых прав феодалов на их боярскую землю, существовавшим еще до сложения поместной системы в конце XV века.

Каковы же были обязанности служилых людей по отношению к сюзерену? С. Б. Веселовский считал, что собственники вотчин, обусловленных службой, распоряжались ими без всяких ограничений, а сама служба означала по преимуществу «служебную зависимость», а не выполнение определенных обязанностей, «неисполнение которых может повлечь отнятие» пожалованной земли³⁵. С. Б. Веселовский при этом ссылается на следующее место из духовной грамоты волоцкого князя Бориса Васильевича, написанной около 1477 г.: «А что есмь пожаловал бояр своих князя Андрея Федоровича и князя Петра Микитича, подавал есмь им отчину в их отчины место, дал есмь князю Андрею Федоровичю Скирманово, да Фроловское, да Кореневское з деревнями, а князя Петра Микитича пожаловал есмь Шорсною з деревнями, доколе служат мне и моим детем и их дети; и учнут служить моему сыну и их дети, ино то им и есть; а не имут служить моему сыну, ино их отчина моему сыну; а возмет бог моего сына Федора, ино то мое жалованье им в отчину в их отчины место»³⁶. Данный текст, по мнению С. Б. Веселовского, свидетельствует о том, что служба упомянутых лиц означала общую зависимость их от удельного князя, выраженную в запрещении отъезда от князя, а пожалованные им владения не что иное, как вотчины, обладание которыми не стеснено никакими условиями, кроме служебной обязанности в широком смысле слова.

Согласно завещанию князя Бориса Васильевича Волоцкого, он персдавал Андрею Федоровичу Голенину три села с деревнями, очевидно, в

³⁰ ДДГ, № 61.

³¹ Любопытно, что текст завещания великой княгини Софьи (1453 г.) попорчен как раз в том месте, где, очевидно, должно было быть упоминание о Басенке: «А что есмь преже сего дала два свои села, Окуловское да Репинское... (многоточие в издании текста.— А. З.),— и те оба села мои сыну же моему, великому князю Василью, в том волен он за собою ли их держит, кого ли ими сам пожалует» (там же, № 57).

³² Там же, № 89.

³³ ААЭ. Т. 1, № 160 (грамота 1515 г.); ср. № 165 (грамота 1518 г.).

³⁴ ПРП, вып. IV, стр. 532.

³⁵ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 300—302.

³⁶ ДДГ, № 71.

обмен на его вотчины («Подалвал есмь им отчину в их отчины место») ³⁷. Мена, очевидно, была выгодна для Голенина ³⁸. В грамоте упоминалось село Скирманово (ранее слободка), которое было центром Скирмановского стана (ранее волости). Об этом селе, по тем временам крупном владении, говорится в духовных грамотах великих и удельных князей с начала XIV века. Иван Калита завещал (около 1327 г.) своему второму сыну, Ивану, вместе с городами Звенигородом и Рузой также и «Скирмановское». Позднее великий князь Иван Иванович в сделанном им завещании передавал Звенигород и Рузу своему сыну Ивану, который вскоре умер (1364 г.), и удел его перешел к старшему брату покойного — Дмитрию Донскому. В 1389 г. последний завещал Звенигород с волостями своему второму сыну, Юрию. По духовной грамоте Юрия Дмитриевича (около 1434 г.) Скирманово, как волость города Рузы, передавалось в наследство его второму сыну, Дмитрию Шемяке. И, наконец, Василий Темный оставил город Рузу своему второму сыну, князю Борису Волоцкому ³⁹. Именно он-то и пожаловал селами Скирмановым, Фроловским и Кореневским своего боярина Андрея Федоровича Голенина в обмен на какие-то, очевидно, купленные последние земли.

Знатное происхождение и должностное положение Голенина не дали, однако, ему полных прав на владение этими селами. В духовной грамоте А. Ф. Голенина ⁴⁰ (около 1482 г.) села Скирманово и другие не фигурируют среди земельных владений, которыми тот жаловал своих детей и жену. Напрашивается вывод о том, что князь А. Ф. Голенин не имел полного права распоряжения вотчинами, пожалованными ему волоцким князем. Ведь, согласно завещанию князя Бориса Васильевича, указанные земли переходили к Андрею Голенину, «доколе служат мне и моим детям». В том же документе дальше шла оговорка: а если «не имут служить моему сыну, ино их отчина моему сыну». Все три сына князя Андрея Голенина были малолетними и не могли еще служить волоцким князьям. Именно поэтому князь Андрей Федорович и не завещал им земель, пожалованных ему волоцким князем; впоследствии эти земли упоминаются среди владений Федора Борисовича Волоцкого ⁴¹. Из сыновей Голенина лишь младший дожил до совершеннолетнего возраста, но служил он уже не князю Федору, а рузским князьям Ивану Борисовичу и Юрию Ивановичу. Следовательно, в данном случае условия пожалования землями, отмеченные в духовной грамоте Бориса Васильевича Волоцкого, не могли быть выполнены Голениными, и земли эти возвращены были сюзерену, князю Федору. Все эти факты опровергают тезис С. Б. Веселовского о том, что «собственники вотчин, пожалованных под условием служебной зависимости, распоряжаются ими без всяких ограничений, продают, меняют, дают монастырям и т. д., как и собственники родовых вотчин. Если человек приносил князю служебную присягу, то он отказывался не от прав вотчинника, а от личных прав свободы служить кому угодно и отъехать

³⁷ В данной грамоте сына Андрея Федоровича написано о передаче в Волоцкий монастырь земель, «коими землями жаловал государь наш князь Борис Васильевич отца нашего князя Ондreja Федоровича, подавал ему в куплю» (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков (АФЗХ). Ч. II. М. 1956, № 41). «Купля» в грамоте Голенина может означать земли, выменянные Голениным на купленные князем вотчины. Ниже он упоминает: «Матери своею куплю... Село Никольское Шуйгино», которое в действительности было выменяно княгиней Голениной на ее куплю деревню Руново (там же, № 16).

³⁸ Ср. С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 301.

³⁹ ДДГ, №№ 1, 4, 12, 29, 61.

⁴⁰ АФЗХ. Ч. II, № 15.

⁴¹ Князь Федор Борисович Волоцкий писал в духовной грамоте, составленной около 1506 г.: «Даю своей княгини на Волоце свои села... Кореневское да Фроловское... и з деревнями и з бортми и со всем с тем, как те села были за мною» (ДДГ, № 98). Село же Скирманово, очевидно, к этому времени было куплено у волоцкого князя А. А. Голениным. Последний упоминает о землях, «кои яз прикупал... Село Пречистые Скирманово» (АФЗХ. Ч. II, № 41).

от князя, от которого он получил землю»⁴². Князь А. Ф. Голенин, судя по документам, не имел таких полных прав на землю, пожалованную ему Борисом Волоцким, в частности он не завещал ее своим сыновьям. Мало того, земли ему были даны под условием служебной зависимости, выраженной не только в отказе от права отъезда, но и в исполнении определенной обязанности, хотя и не было точно указано, какая именно «служба» имела в виду.

В литературе давно уже было известно распоряжение Ивана Калиты (около 1328 г.) отобрать у Бориса Воркова пожалованное ему село, если тот не будет служить наследникам великого князя («А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борису Воркову, аже иметь сыну моему которому служите, село будет за ним, не иметь ли служити детям моим, село отоймут») ⁴³. Противопоставляя вотчинное землевладение условному, С. Б. Веселовский писал: «В данном случае речь идет о пожаловании Б. Воркову вотчины, и слово «служить» означает здесь не исполнение каких-либо определенных обязанностей, неисполнение которых может повлечь отнятие села Богородицкого у Б. Воркова, а служебную зависимость Воркова»⁴⁴. По мнению В. Б. Ельяшевича, здесь говорится об обычных боярских владениях⁴⁵. В данном случае упомянутые историки отчетливо проявили формально-юридический подход к проблеме землевладения в феодальную эпоху, непонимание теснейшей связи землевладения со «службой» сюзерену, как одной из форм иерархической структуры феодальной собственности.

Характер «службы» боярских землевладельцев раскрывается в ряде документов конца XV века. В правой грамоте по одному из судебных процессов, состоявшихся в 1503 г. в Вологде, рассказывается следующий эпизод. Около 1478 г. деревни Михалево и Минейцево перешли к Левонтию Злобу Васильеву сыну Львову⁴⁶. Еще до этого, но во всяком случае уже после 1462 г.⁴⁷, он получил пожалованную грамоту вологодского князя Андрея Васильевича: «Се яз, князь Андрей Васильевич, пожаловал есми Злобу Васильева сына, ослободил есми ему на Вологде купити земли на соху боярских и служых и черных тяглых земель, хто ему продасть; а с тое земли с слугами и с черными людьми не тянет, а служити своею братьею з детми з боярскими». Злоба Львов купил пустоши Минеевскую и Михалевскую, а к 1484 г. у него уже было достаточно владений, в том числе «деревня Захарьинская на Маслене приданая», что указывает на родственные связи Львова с вотчинниками Вологды. На свои владения в сентябре 1484 г. он получил тарханно-несудимую грамоту Ивана III, подтвержденную в 1509 г. Василием III⁴⁸. Грамота князя Андрея Васильевича чрезвычайно важна: она дает дополнительные материалы для характеристики «служного» землевладения.

Термин «служнее» землевладение был хорошо известен русскому феодальному обществу XIV—XVI веков. Н. П. Павлов-Сильванский писал о нем: «Земли, дававшиеся слугам под дворским, назывались в удельное время служными землями»⁴⁹. В грамоте князя Андрея Васильевича указывается на существование трех видов частновладельческих земель: «черные» земли свободных крестьян, «служные», то есть земли княжеской челяди, посельских, сокольников и иных слуг, и, наконец, «боярские». Земли «черные» и «служные» тянут тягло, отличаясь этим от «боярских», кото-

⁴² С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 302.

⁴³ ДДГ, № 1, стр. 10.

⁴⁴ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 300.

⁴⁵ В. Б. Ельяшевич. Указ. соч., стр. 372.

⁴⁶ АСЭИ. Т. II, № 307.

⁴⁷ Андрей Васильевич получил Вологду по духовному завещанию Василия Темного (1462 г.) (ДДГ, № 61).

⁴⁸ АСЭИ. Т. II, №№ 250, 266.

⁴⁹ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 384.

рые обязаны службой (в первую очередь военной)⁵⁰. Такое противопоставление боярского землевладения «служному» и «черному» мы встречаем уже в договорной грамоте Дмитрия Донского (1389 г.), где упоминаются «земли данные, служни или черных людей»⁵¹. Эти земли резко отделяются от боярских и княжеских. Договаривающиеся князья внимательно следили, чтобы, «которые слуги к дворьскому, а черныи люди к становщику, — тых в службу не приимати, а блюсти ны их с одного, а земель их не купити»⁵². Только в виде особой льготы князь Андрей Васильевич Вологодский разрешил Злобе Львову купить черные, или служные, земли в «отчину».

Грамота князя Андрея Васильевича говорит не просто о служебной зависимости владельца боярских земель Злобы Львова, а о конкретной его службе, в первую очередь военной, совместно с детьми боярскими. Земля боярская, которой владел Злоба Львов, напоминает обыкновенную феодальную вотчину: она могла передаваться по наследству (ее наследовал сын Злобы Андрей), на нее выдавались тарханно-несудимые грамоты, она могла покупаться и, как будет показано ниже, обмениваться.

Существовали, однако, специфические особенности землевладения детей боярских. Во-первых, оно было нетяглое; во-вторых, это землевладение обуславливалось службой, главным образом военной; в-третьих, лицо, пользовавшееся «боярской» землей, было стеснено в правах владения: чтобы купить или обменять такую землю, необходимо было получить специальное разрешение сюзерена — князя. В грамоте князя Михаила Андреевича около 1476—1482 гг. рассказывается, что сын боярский Федор Константинович Монастырев бил ему челом, чтобы получить право на обмен земли в Кирилловом монастыре. Князь Михаил Андреевич разрешил Федору Константиновичу обменять земли⁵³, как в свое время князь Борис Васильевич Волоцкий обменялся землями с князем Андреем Федоровичем Голениным⁵⁴, а князь Андрей Васильевич разрешил Злобе Львову купить землю на Вологде. Но как Злоба Львов, так и князь Голенин получили новые земли на ограниченном праве держания, которое в известном смысле можно назвать прообразом поместного. Во время судебного процесса, состоявшегося около 1501—1502 гг., условное землевладение митрополичьих детей боярских прямо названо поместьем⁵⁵.

Однако все указанные стеснения в праве распоряжения «боярской» землей у ряда держателей до реформы Ивана III не были точно определены, что и отличает это право держания земли от сложившейся позже поместной системы. Помещик XVI в. в отличие от держателя «боярской» земли, обусловленной службой, пользовался своими землями только до тех пор, пока исполнял ратную службу. Землевладение боярское, также обусловленное службой, сохраняло основные черты вотчин-

⁵⁰ В одной грамоте 1432—1445 гг. Василий II разрешает Троицкому монастырю купить («Освободил есмь ему купити») двор в Переяславле «тяглою, служен или черной», причем с этого двора троицкие старцы не должны были «тянути ни (с) слугами, ни с черными людьми» (АСЭИ. Т. I, № 105). Итак, служивый двор тянул тягло.

⁵¹ «А хто будет покупил земли данные, служни или черных людей... а не взмогут выкупити, ине потянут к черным людям» (ДДГ, № 11). «Служни» земли, следовательно, тянули тягло. Конечно, у нас нет никаких данных для того, чтобы утверждать, что все земли великокняжеских слуг, административно-хозяйственных чиновников, были тяглыми. Не исключена возможность наличия у них и нетяглых земель.

⁵² ДДГ, № 11; ср. договорную грамоту 60-х годов XIV в. и духовную князя Владимира Андреевича (там же, №№ 5, 17) и т. д.

⁵³ АСЭИ. Т. II, № 242. Для покупки Троицким монастырем служебного двора, как тяглых двора и земель в первой половине XV в. Василий II выдавал специальные грамоты (там же. Т. I, №№ 105, 423).

⁵⁴ Среди земель князя А. А. Голенина были села и деревни, «коими землями жаловал государь наш князь Борис Васильевич отца нашего князя Ондreja Федоровича, подовал ему куплю» (АФЗХ. Ч. II, № 41).

⁵⁵ Митрополичьи дети боярские Некрас и Дрозд Васильевы говорили судье: «Нас, господине, теми деревнями и починки пожаловал Симон митрополит в поместье» (АФЗХ. Ч. I, М. 1951, № 254).

ного землевладения: служебная обязанность не была еще определенно выражена и четко обусловлена.

Наряду с боярским землевладением, предусматривавшим обязательную службу, уже в XIV—XV вв. существовал такой вид условного владения землей, как прекарное держание несвободных слуг («служные» земли). В. И. Сергеевич, например, утверждал: «Москва знает холопов-вотчинников»⁵⁶. Конечно, княжеские и боярские слуги из холопов владели селами и деревнями только по милости феодалов. Господа могли распоряжаться этими селами по своему усмотрению. Василий Темный писал в своем завещании: «А которые дети боярские служат моей княгине и слуги ее и вси ее люди, холопи ее, и кому буду яз, князь велики, тем давал свои села... или за кем будет их отчина или купля, и в тех своих людех во всих волна моя княгини и в тех селех»⁵⁷. Чрезвычайно важно отметить, что землевладение детей боярских (даже если оно будет их «отчиной» или «куплей») и слуг-холопов, получивших села от великого князя, поставлено в этом документе в один ряд. В XV в. были нередки случаи, когда небогатые вотчинники, имевшие свою землю, «били челом» крупному феодалу и становились его слугами-холопами⁵⁸. К тому же между свободными и несвободными слугами в то время еще не существовало китайской стены. В завещании князя Владимира Андреевича (1410 г.) указывалось, например, что кто из «бортников или садовников или псарей или барашев, делюев не всхоchet жити на тех землях, ин земли лишен, поиди прочь; а сами сыну, князю Ивану, не надобе, на которого грамоты полные не будет, а земли их сыну, князю Ивану»⁵⁹. Здесь явно разграничиваются лица холопского состояния и те, на которых нет грамот «полных». Но землевладение свободных бортников и холопов имело одну общую черту: для обеих социальных групп в этом случае характерна условность пользования землей, которой в конечном счете распоряжался удельный князь. Даже если ключники «некупленные», то есть свободные, покупали деревни, как писал князь Владимир Андреевич, «за моим ключем», то сами ключники «детем моим не надобе, а деревни их детем моим». Пока свободный или несвободный слуга выполнял определенную служебную функцию при княжеском дворе, он имел право распоряжения пожалованным ему селом или деревней. Если же он переставал служить, то его земли отписывались на господина. Генетическая связь этого типа условного владения с поместным здесь налицо.

Значительная масса несвободных слуг, отпущенных затем на волю, стала в конце XV — начале XVI в. помещиками московского государя⁶⁰. В этом отношении представляет интерес уже упоминавшееся выше завещание князя Андрея Федоровича Голенина (около 1482 г.). В нем также говорится о прекарном держании земель холопами («А даю сыну своему Семену людей своих полных Андрея Михайлова с женою и з детьми, и с его селцом и с его деревнями») ⁶¹. Но особенно интересна

⁵⁶ В. Сергеевич. Вольные и невольные слуги московских государей. Журнал «Наблюдатель», 1887, № 1, стр. 61.

⁵⁷ ДДГ, № 61. В 1519 г. одна из деревень Переяславского уезда находилась «за великие тернии за холопом» Митею Лаптевым, причем в деревне было три двора: в одном жил сам Митя, в другом — «его человек» Парша, а в третьем — крестьянин Васюк (АФЗХ. Ч. I, № 23).

⁵⁸ Около 1467—1474 гг. Иван III предупреждал небогатых радонежских вотчинников Афонасьевых: «Ни в холопи ся вам с того землею не дати» (АСЭИ. Т. I, № 423).

⁵⁹ ДДГ, № 17, ср. там же: «А кто будет под дворьским слуг, а кто тех выйдет из уделов детей моих и княгини моей, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел».

⁶⁰ См. об этом К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. «Исторические записки». Кн. 14; В. Н. Бернадский. Политика Ивана III в Новгороде. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 61. Л. 1947, и др.

⁶¹ АФЗХ. Ч. II, № 15.

судьба холопа, а позднее помещика Мити Сокольника. Он был назван в числе «полных людей», которых князь Андрей Голенин завещал своей жене⁶². Примерно в 1477 г. Митя Сокольник был холопом князя Бориса Васильевича Волоцкого⁶³. Позднее он попал к Андрею Федоровичу Голенину, а около 1482 г. был передан по наследству жене князя — Марии Голениной. Однако вскоре Мите Сокольнику удалось, очевидно, освободиться из холопией зависимости, и он оказался в составе администрации волоцкого князя. В 1490—1491 гг. он уже присутствовал в качестве «пристава» на разряде земель Симонова монастыря и Ивана Осоки в Волоцком уезде, именуясь «доводчиком» князя Бориса Васильевича⁶⁴.

В ноябре 1503 г. князь Иван Борисович Рузский завещал Иосифу Волоколамскому монастырю село Спасское⁶⁵. 4 ноября 1504 г. на Волок была отправлена грамота, согласно которой это село отписывалось Иосифу монастырю. В грамоте, между прочим, княжескому чиновнику сообщалось, чтобы он «то село и деревни и все дал к монастырю, которые деревни к тому селу потягли из старины, оприч тех деревень, которые за помещики за Митею за Сокольником, да за Слепцом, за Отыковым, да за Иваном за Конановым. И ты бы ся в те деревни не вступал»⁶⁶. После смерти князя Ивана Борисовича Иван III передал Рузский удел около 1504 г. своему сыну Юрию⁶⁷. Последний, полновластно распоряжаясь землями упомянутых помещиков, в 1506 г. дал «в дом Пречистой в Осифову пустыню свои княже Юрьевы Ивановича деревни в своей отчине в Рузском уезде в Юрьеве слободе деревню Волчково, что была за Митею за Сокольником, да деревню Князишево, что была за Слепцом за Посельским, да деревню Шилово, что была за Ивашком за Конановым сыном за Сытником»⁶⁸. Деревня Волчково не являлась единственным поместьем Мити Сокольника. 17 мая 1515 г. по «слову» князя Юрия Ивановича его дьяк променял Волоколамскому монастырю «княже Юрьеву Ивановичу в Рузском уезде в Юрьевой слободе деревню Холово, что была за Митею за Березниковым за соколником в поместья со всеми угодьи»⁶⁹. Впрочем, это был не единственный случай, когда князья отбирали у своих слуг — посельских — земли для передачи их в монастыри. Так, около 1448—1459 гг. князем Михаилом Андреевичем была отдана в Кириллов монастырь «Костина деревня Биралева, моего поселского»⁷⁰.

Из приведенного выше известия о пожаловании Волоколамского монастыря землею Мити Сокольника и его товарищей остается неизвестным, получили ли эти три помещика взамен конфискованных какие-либо другие земли; не вполне ясно также, оставался ли Митя Сокольник холопом, сделавшись помещиком, или, что вероятнее, он получил поместье после того, как вышел на свободу. Во всяком случае, несо-

⁶² «А даю жене своей Марие своих людей полных: Митя Сокольник з женою и з детьми, да Куземка Посельской с женою» (АФЗХ. Ч. II, № 15).

⁶³ «Да даю своей княгине своих холопов... Митя сокольник, ...Конон Спасской» (ДДГ, № 71).

⁶⁴ «А пристав был Митя сокольник, князя Борисов доводчик» (АСЭИ. Т. II, № 403).

⁶⁵ ДДГ, № 88.

⁶⁶ АФЗХ. Ч. II, № 33.

⁶⁷ ДДГ, № 89.

⁶⁸ АФЗХ. Ч. II, № 35.

⁶⁹ Там же, № 64.

⁷⁰ АСЭИ. Т. II, № 125. Сохранилась докладная грамота волоцкому наместнику князю Федору Васильевичу Хованскому, согласно которой Митя сокольник Никитки сын Голубцов продал своих полных холопов Ивана Якимова с семьей (Библиотека Академии наук СССР, отдел рукописей, текущие поступления № 98, лл. 95 об., 96. За сообщение об этой грамоте выражаю свою глубокую благодарность В. М. Панеяху). Грамота составлена, очевидно, вскоре после смерти волоцкого князя Федора Борисовича (1513 г.), ибо Ф. В. Хованский упоминается в акте 1511 г. (АФЗХ. Ч. II, № 50). Не исключена возможность, что и в данном случае фигурирует все тот же Митя сокольник (прозвище: фамилии у слуг в XV—начале XVI в. были неустойчивы).

мненны два обстоятельства: 1) Митя Сокольник и, судя по прозвищам, его товарищи (Слепец Посельский, Ивашка Конанов Сытник⁷¹) — помещики, происходившие из состава княжеских слуг-холопов; 2) их поместное землевладение было обусловлено административно-вотчинной службой (один был сокольником, другой — посельским, третий — сытником). Но если это так, то генетическая связь поместной системы с землевладением низших чинов княжеского двора, происходивших из холопов, «слуг под дворским», сытников, сокольников, посельских, несомненна, несмотря на отрицание ее С. Б. Веселовским⁷². Следовательно, С. Б. Веселовский не прав, когда видит одну из главнейших особенностей поместного землевладения в ратной службе.

Документы свидетельствуют о том, что в начале XVI в. помещики могли и не исполнять военной службы. Среди лиц, испомещенных Иваном III в Новгороде, насчитывается не менее 280 (из 1 300) бывших холопов-послужильцев, ставших новгородскими помещиками. Но хотя прекарное землевладение слуг-холопов и было, на наш взгляд, одним из источников формирования поместной системы, следует подчеркнуть существенные отличия землевладения помещика XVI в. от условного держания слуги-холопа. С конца XV — начала XVI в. поместная система все больше связывается с ратной службой, тогда как землевладение посельских, сокольников и других лиц феодальной челяди обуславливалось в первую очередь административно-вотчинной службой. Далее, это землевладение не было обеспечено законом. В любое время господин мог отобрать землю у своего слуги-холопа. Поместье при условии исправного выполнения ратной службы было в принципе неотчуждаемым держанием служилого человека.

Поместная система образовалась в результате взаимосвязи, взаимодействия землевладения боярского, обусловленного службой, и землевладения челяди крупных феодалов-вотчинников. Не случайно в завещании великого князя Василия II землевладение детей боярских и слуг-холопов, получивших от него пожалование, поставлено в один ряд.

Процесс формирования феодального поместного землевладения облегчался тем, что московская практика далеко не всегда отличала держание земель «служных» от держания земель «боярских». Так, в октябре 1479 г. князь Борис Волоцкий передал в Иосифов монастырь «деревню Ярцевскую да Руготицкого под Захаром под подьячим и с хлебом и з животом и со всем с тем, как было за Захаром»⁷³. Земля Захара скорее всего «служная»: ее владелец был подьячим. Конфискованная князем, эта земля была передана в монастырь, как неотчуждаемая больше собственность, и совершенно неожиданно в несудимой грамоте князя указано, что монахи владеют ею на тех же основаниях, «как было за Захаром». Получается, что служными землями владели на правах феодальной вотчины.

Связь боярского землевладения с поместным вскрывается при анализе древнейших поместных грамот — их прообраз следует искать в жалованных данных грамотах, выдававшихся вотчинникам. В 1482 г. Иван III пожаловал Митю и Ерему Трусовых детей Воробина землями в Водской пятине «з доходом з денежным и с хлебным по старине, как были те селца и деревни за Богданом за Есиповым и за Иваном за Кузминым и за Хомутовым, oprич моей великого князя дани»⁷⁴. Богдан

⁷¹ Не был ли Ивашка Конанов сыном холопа князя Бориса Васильевича Волоцкого, Конона Спасского, который упомянут в духовной грамоте князя вместе с Митей Сокольником? (ДДГ, № 71).

⁷² «По сохранившимся источникам установить генетическую связь поместий с этими простыми формами условного владения земель княжескими рабами невозможно» (С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 305).

⁷³ АФЗХ. Ч. II, № 4.

⁷⁴ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Т. I. Отдел II. М. 1905, стр. 3.

Есипов — крупный новгородский боярин, посадник⁷⁵. Помещики Воробины получали свои земли на тех же основаниях, на которых владел ими Есипов, «оприч... великого князя дани». Сходство поместного и боярского землевладения в этом случае налицо. Правда, в самой грамоте, данной Трусовым, слово «поместье» отсутствует. Но если взять аналогичные документы более позднего времени, то всякое сомнение в этом отношении отпадает. Согласно грамоте, выданной Иваном III в 1490 г., Юрий Васильев сын Тархов получил «волостку» на Шелони «в поместье з доходом з денежным и с хлебным по старине со всем по тому, как та волостька была за Костянтином за Немым и за его сыном за Василием»⁷⁶. По грамоте Ивана III и его сына Василия (1502 г.) Мосеевы получили деревни Шелонской пятины, некогда принадлежавшие упомянутому выше Богдану Есипову: «В поместье з доходом з денежным и хлебным и с мелким доходом,— оприч какие великих князей и обежные дани»⁷⁷. Грамоты 1490 и 1502 гг. сходны с грамотой 1482 г., однако в них передаваемые князьями боярские земли прямо называются «поместьем». И при этом оговаривается, что помещики владеют данными им землями, «как» их предшественники. Конечно, полного тождества между поместным землевладением и боярским не было, но взаимосвязь их при анализе приведенных ранних поместных грамот выявляется довольно наглядно.

Изучение боярского землевладения конца XV в. позволяет, по нашему мнению, высказать предположение, что феодальное боярское землевладение, с одной стороны, и условное держание земли княжескими и боярскими слугами (так называемое «служное» землевладение) являлись основными источниками для формирования поместной системы конца XV — начала XVI века. Конечно, при этом не следует забывать, что поместная система представляет собою качественно новое явление по сравнению с формами условного землевладения, существовавшими до нее.

Как показали труды Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и других советских историков, конец XV в. на Руси был ознаменован подъемом производительных сил в стране⁷⁸. В условиях роста товарного производства крупные землевладельцы-бояре в своей массе не сумели «перестроить свои хозяйства в связи с требованиями жизни»⁷⁹. Феодальная аристократия, ведшая паразитический образ жизни, разорялась, ее земли продавались, закладывались, дробились между многочисленными наследниками. Например, владения Троице-Сергиева, как и других монастырей, «росли на боярских косях»⁸⁰.

Владельцы огромных княжеско-боярских латифундий, получая с крестьян большую денежную и отчасти натуральную ренту, не были особенно заинтересованы во введении новшеств как в технику сельского хозяйства, так и в формы эксплуатации непосредственного производителя. Иным было положение мелких и средних землевладельцев. Старые методы эксплуатации крестьян часто не давали рядовым детям боярским необходимым денежным средств. Поэтому они более энергично при-

⁷⁵ См. С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М. 1939, стр. 93, 110, 112.

⁷⁶ Д. Самоковцов. Указ. соч., стр. 7—8.

⁷⁷ Там же, стр. 7; ср. грамоту 1504 г., выданную Иваном III и его сыном Василием братьям Паюсовым на деревни Костылева, «что были за их отцом за Чернцом за Паюсовым в поместье, з доходом з денежным и з хлебным и з милким доходом, оприч наши великих князей обежные дани» (там же, стр. 4—5).

⁷⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948; М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М. 1957, стр. 5—161; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». Ч. II. М. 1953, стр. 69—115.

⁷⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. II. М. 1954, стр. 53.

⁸⁰ Там же, стр. 59. Этот процесс был показан еще С. Б. Веселовским.

способливались к новым экономическим условиям, энергичнее вводили барщину и увеличивали денежные оброки. Все это дает основание утверждать, что победа поместья над крупной боярщиной была победой экономически более жизнеспособных форм феодальной собственности над ее архаичными формами. В самом деле, утверждение поместной системы на землях Новгорода привело к активному развитию там денежной ренты. Изучение духовных грамот мелких и средних феодалов конца XV—XVI в. показывает, что у этих лиц скапливались порой значительные денежные суммы. Помещики были теснее связаны с рынком, чем бояре-вотчинники. Только этим в первую очередь можно объяснить позицию дворянства как в борьбе за Казань и за Волжский речной путь, так и в особенности в борьбе за Прибалтику, которой боярство противопоставляло свою «южную программу» движения на Крым.

Уже И. И. Смирнов обратил внимание на то, что, согласно послушным грамотам, можно проследить развитие барщины в новгородских поместьях в 70-х годах XVI века⁸¹. Выводы его в настоящее время уточнены В. И. Корецким, который установил, что уже в 50-х годах XVI в. распространение барщины находит отражение в формуляре послушных грамот⁸². Барщина, получившая столь большое развитие к концу XVI в., быстрее растет именно на поместных землях, постепенно захватывая владения других феодалов⁸³. Помещики, усиливая эксплуатацию, добавляли к оброку, величина которого определялась обычно «пошлиной», барщину. Дворянство настойчиво добивалось закрепощения крестьян. Оно оказывалось экономически более приспособленным к развивающимся товарно-денежным отношениям, чем реакционное боярство. Борьба правительства Ивана Грозного с боярской аристократией не могла увенчаться успехом, если бы не имела экономической корней.

Однако мелкое и среднее землевладение в конце XV—XVI в. сложилось как поместное, а не как вотчинное. Объяснение этому следует искать в недостаточном развитии экономики страны. Земельная собственность средних и мелких феодалов в конце XV—XVI в. не могла утвердиться как полная и безусловная, свободная от традиционных феодально-иерархических пережитков. Поскольку создание централизованного государства происходило на Руси в условиях феодализма, постольку и феодальная надстройка оказывала активное воздействие на базис. Непосредственная связь поместья с военной службой и стеснения в праве распоряжаться им были следствием недостаточного развития товарного производства при возросшей роли централизованного государства.

Только в «новый период» истории России, когда начал складываться всероссийский рынок, постепенно стирались грани между вотчиной и поместьем за счет расширения прав помещиков на продажу и покупку земель и укрепления феодальной собственности. XVII век был временем ликвидации различий между поместьем и вотчиной⁸⁴. Этот процесс не означал возвращения к старой вотчине XIV—XV вв., представляя по своему существу в экономическом, а затем и в юридическом отношении новый этап в развитии феодальной земельной собственности.

⁸¹ См. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Госполитиздат. 1951, стр. 41—42.

⁸² В. И. Корецкий. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. М. 1957, стр. 6 (автореферат кандидатской диссертации).

⁸³ Р. Г. Скрынников. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV—XVI в. Л. 1958 (автореферат кандидатской диссертации).

⁸⁴ Этот процесс убедительно показан А. А. Новосельским (см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1955, стр. 139—151).